

Русская революция и современное социальное государство

Г. И. Грибанова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Грибанова Г. И.* Русская революция и современное социальное государство // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 33–41. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.104>

Социальное государство представляет собой сознательно конструируемый политико-правой и социальный институт, позволяющий обеспечить более равномерное распределение материальных благ, способствуя тем самым сохранению социальной стабильности в обществе. Несмотря на то что сама идея социального государства начала реализовываться в Европе уже во второй половине XIX в., именно революция 1917 г. в России резко активизировала этот процесс, приведя, в конечном счете, к появлению социального государства в том виде, в котором оно сформировалось к 1960–1970-м годам, периоду, считающемуся его «золотым веком». Если до этого идея социальных гарантий трудящимся являлась одним из основных лозунгов европейской социал-демократии, рассматривавшей социальное государство в качестве своего рода промежуточного этапа на пути становления социалистического общества, то после революции и другие политические силы пришли к осознанию необходимости проведения масштабных социальных реформ. Нельзя было не учитывать, в частности, широкое использование примера Советского Союза в коммунистической пропаганде. Несмотря на проблемы функционирования советского социального государства, сам факт его существования в условиях глобального противостояния двух идеологических и политических систем заставлял политические элиты постоянно держать в поле своего внимания вопрос об объеме и качестве социальных услуг, повышении общего уровня материального благосостояния граждан. Поэтому вряд ли можно считать случайным, что окончание холодной войны и распад Советского Союза по времени практически совпали с полномасштабным кризисом западного социального государства.

Ключевые слова: русская революция, социальное государство, социальная справедливость, холодная война, пропаганда, кризис.

Социальное государство, подразумевающее право всех граждан на базовый уровень благосостояния, ставит перед собой задачу обеспечить более равномерное распределение материальных благ, смягчить зависимость от рыночной стихии, что, в свою очередь, способствует обеспечению и поддержанию социальной стабильности в обществе. Подобная модель государства и проводимой им политики не может возникнуть стихийно и является результатом осознанных политических решений, призванных сконструировать в значительной степени новую политико-правовую и социально-экономическую реальность. Переход от «военного или полицейского»

государства, главными функциями которого являлись защита от внешнего врага и поддержка социального порядка внутри страны, к государству социальному, т.е. признающему в качестве своей функции обеспечение социальных гарантий и осуществление социальной защиты и поддержки своих граждан, берет свое начало во второй половине XIX в., когда вслед за бисмарковской Германией многие европейские государства идут по пути создания системы страхования против риска потери дохода.

Инновационный характер этих систем определялся рядом общих присущих им характеристик вне зависимости от национальной специфики, а именно:

- наличие в их основе единой общенациональной правовой основы;
- предоставление гарантированной социальной помощи в случае стандартного риска утраты источников дохода (инвалидности, болезни, старости и т.п.);
- отсутствие какой-либо дискриминации по вопросу о праве любого гражданина на получение социальных выплат;
- обязательный характер системы страхования для определенных групп населения, при котором к финансированию наряду со страхуемым привлекаются работодатели и государство.

Необходимость расширения социальных функций государства, усиления его роли не только в оказании помощи нуждающимся, но и в регулировании отношений между трудом и капиталом начала постепенно осознаться и в правящих кругах Российской империи. При этом, однако, правительственная политика в отношении необходимости принятия государственных мер в этой сфере была в значительной степени противоречивой. Так, с одной стороны, еще в 1895 г. С. Ю. Витте заявлял: «К счастью, в России не существуют, в отличие от Западной Европы, ни рабочего класса, ни рабочего вопроса» [1, с. 19]. С другой стороны, стачки на текстильных предприятиях уже в начале 1880-х годов заставили правительство издать ряд законов, касающихся в первую очередь труда малолетних и женщин в текстильной промышленности. Особый интерес в этом плане представлял построенный по западноевропейскому образцу Закон от 3 июня 1886 г., в рамках которого устанавливались правила надзора за заведениями фабричной промышленности и взаимоотношениями фабрикантов и рабочих. В 1893 г. был принят закон об ответственности предпринимателей за увечья рабочих, предусматривавший денежную компенсацию.

В начале XX в. для многих отраслей промышленности были изданы законы об обеспечении безопасности рабочих. Был запрещен труд детей до 12 лет, ночной детский труд, а с 1882 г. были введены ограничения труда детей в возрасте от 12 до 15 лет. Законом 1897 г. был установлен рабочий день продолжительностью в 11,5 часов, накануне праздников и в ночное время — 10 часов.

Особый интерес в этот период представляла деятельность специальных фабричных инспекций, занимавшихся трудовыми конфликтами между рабочими и капиталистами. Инспекторы, являвшиеся государственными служащими, выясняли причины забастовок, принимали меры к их ликвидации, рассматривали жалобы рабочих. Они же утверждали и размер штрафов, наложенных на рабочих.

В этот же период начался процесс создания системы государственного социального страхования. В 1886 г. был принят закон, обязывавший все предприятия

обеспечить бесплатным медицинским обслуживанием своих рабочих. В ответ на рост недовольства в среде промышленных рабочих и подъем забастовочного движения в 1903 г. вступил в силу закон о вознаграждении рабочих, пострадавших в результате несчастных случаев. Он применялся только на заводах, фабриках и рудниках, таким образом, из его действия исключалась значительная часть работников, занятых на мелких предприятиях. Кроме того, в нем не предусматривалось введение обеспеченной страховки, так как в правительственных кругах господствовала точка зрения об ее бессмысленности из-за якобы присущего рабочим нежелания заботиться о собственном будущем. В целом закон 1903 г., созданный по французскому образцу, воспринимался как явно недостаточный и не смог смягчить расгулявшей социальной напряженности. Однако после Манифеста 1905 г., институализировавшего легальную деятельность политических партий в России, именно этот закон стал отправной точкой для партийных дискуссий по вопросу о социальной политике государства.

Горячие дискуссии по проблемам социального страхования в конечном счете вылились в закон 1912 г. Этот закон обеспечивал наличные выплаты в случаях производственной инвалидности, общей нетрудоспособности, материнства и смерти. Однако его применение ограничивалось примерно одной четвертью общего числа российских рабочих. Расходы на несчастные случаи, связанные с производством, были отнесены полностью на счет работодателей, в то же время работодатели и рабочие могли по собственному желанию принимать участие в этих расходах. Скопированный с аналогичного германского закона, закон 1912 г. в глазах рабочего движения был также неудовлетворительным.

В то время, когда правительственный законопроект еще находился в стадии обсуждения, русские социал-демократы на Шестой Всероссийской конференции в Праге уже подвергли его серьезной критике. Практически именно тогда В. И. Лениным были сформулированы основные принципы социальной политики. Подчеркивая, что рабочий класс получает лишь незначительную долю богатства, которое он производит, что делает рабочего полностью неспособным обеспечить себя в случае нетрудоспособности или безработицы, В. И. Ленин выдвинул тезис о необходимости создания системы государственного социального страхования, построенного на следующих принципах:

- «а) оно должно обеспечивать рабочих во *всех* случаях утраты ими трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность; у работниц, кроме того, беременность и роды; вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика) или в случае потери заработка благодаря безработице;
- б) страхование должно охватывать *всех* лиц наемного труда и их семейств;
- в) все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения *полного* заработка, причем *все* расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство;
- г) всеми видами страхования должны вестись единые страховые организации, построенные по *территориальному* типу и на началах полного самоуправления застрахованных» [2, с. 186].

Важно вспомнить, что в 1914 г. большевики внесли в Думу свой проект закона о социальном страховании. Он носил почти универсальный характер, охватывая своим действием всех наемных работников, а также самостоятельных крестьян,

не имевших собственной земли, независимо от пола, возраста, расы, религии, национальности или гражданства. Совершенно естественно, что данный законопроект, представлявший по своей сути модель социалистического социального страхования, был абсолютно неприемлем для царского правительства. Не был учтен он позднее и Временным правительством, хотя большевики и продолжали агитировать за всеобщее и широкое социальное страхование.

Таким образом, несмотря на то что к началу Первой мировой войны в России уже были сделаны первые шаги по пути становления социального государства, они воспринимались как явно недостаточные. Более того, в широких массах назревало ощущение того, что правящие круги не могут, да и не хотят проведения масштабных социальных реформ в интересах трудящихся, а не капитала. В этом, на наш взгляд, и кроется столь высокая притягательность лозунгов социальной справедливости и равенства, которые были крайне успешно использованы большевиками в качестве инструмента политической мобилизации.

После Октябрьской революции, действительно, происходит коренная трансформация всей системы социальных отношений, государство берет на себя полную ответственность за социальную помощь и социальную защиту населения. При этом, несмотря на то что в реальности продолжается развитие социального государства, хоть и на иных идеологических основаниях, сам термин, как и его англоязычный аналог «государство благосостояния», никогда не используется. Более того, на всем протяжении советского периода осуществляется четкое противопоставление советской модели и реалий западного, капиталистического мира.

Важно подчеркнуть, что, говоря о советском социальном государстве и его влиянии на процессы трансформации западных обществ, необходимо учитывать весьма существенные различия между советской реальностью и мифом о ней, широко использовавшимся в коммунистической пропаганде. Формирование такого мифа стало во многом возможным благодаря действительно крайне привлекательным для трудящихся идеологическим принципам и подходам, декларировавшимся в качестве основы социальной политики в «первом в мире государстве рабочих и крестьян». Главная идея, сформулированная классиками марксизма-ленинизма, заключалась в создании общества всеобщего равенства и социальной справедливости. Социализм должен был «обеспечить всем членам общества средства к существованию и свободному развитию их способностей, притом во все возрастающей мере» [3, с. 155]. Соответственно, главной характеристикой социальной политики социалистического государства должна была стать ее всеобщность, предполагающая отражение интересов и потребностей всех слоев населения.

В действительности же идеи и намерения с самого начала достаточно существенно расходились с политической реальностью.

Сразу после прихода большевиков к власти, уже 13 ноября 1917 г., было объявлено о введении радикально новой политики социального страхования, основанной на пяти ленинских принципах 1912 г. Вслед за этим было предусмотрено введение системы страхования от безработицы, а затем — программы пособий по случаю болезни, родов и смерти, а также бесплатной медицинской помощи. В то же время практически не существовало механизма реализации этих законов на практике. Развал экономики и падение производственной дисциплины делали быстрое внедрение новой системы социального страхования исключительно трудным де-

лом, и неудивительно, что в период военного коммунизма многие законы и декреты о социальной помощи оставались невыполненными.

С введением НЭПа обязательная трудовая повинность периода военного коммунизма была отменена и призванные рабочие демобилизованы. Принятый в 1922 г. кодекс законов о труде умалчивал о праве на труд и ограничивал обязанность трудиться чрезвычайными ситуациями. Возврат к свободному рынку рабочей силы сопровождался ростом безработицы и инфляции, что, естественно, отрицательно сказывалось на уровне жизни трудящихся. Заработная плата определялась коллективными и индивидуальными соглашениями, но она не могла быть ниже установленного государством минимума для данной должности. В обмен на гарантированную зарплату кодекс требовал гарантированной отдачи. В случае невыполнения по собственной вине норм производительности труда, устанавливаемых совместным соглашением профсоюзов и дирекции, работнику платили пропорционально количеству сделанной работы, но не менее чем две трети ставки.

В условиях крайней нужды, разорения, необходимости выполнения задачи восстановления хозяйства не могло быть и речи об удовлетворении полностью всех нуждавшихся в социальной помощи. Отсюда — отказ советского государства от принципа всеобщности социальной защиты. Для переходного периода были намечены новые формы обеспечения и ограничен круг обеспечиваемых за счет государства. Вне системы государственной помощи оказались крестьяне, кустари и лица свободных профессий. В то же время новая система представляла собой достаточно широкую систему компенсации рисков. Она обеспечивала медицинское обслуживание, пособия по временной нетрудоспособности, пособия по безработице, инвалидности, нужде и, наконец, дополнительные пособия, выплачиваемые кормящим матерям, больным работникам и на похороны. В целом система пособий и возмещений была направлена главным образом на поддержку кадровых промышленных рабочих, особенно тех из них, кто имел квалификацию и работал на государственных предприятиях, т. е. социальной группы, наиболее лояльно относящейся к коммунистам. В то же время получение многих видов пособий, в частности, по безработице, болезни или производственному травматизму, не было связано ни с какими ограничениями, т. е. они носили универсальный характер. В 1928 г. начался процесс введения пенсий по старости, играющих особую роль в системе государственных социальных гарантий.

В условиях складывающегося тоталитарного государства социальные функции государства в значительной степени оказались направленными на усиление государственного контроля над обществом. О стремлении установить жесткий контроль над поведением отдельного гражданина, использовать социальную политику в качестве инструмента как экономического, так и идеологического давления свидетельствовали такие меры, как:

- отмена пособий по безработице, последовавшая за заявлением об окончательной ликвидации безработицы;
- введение в обязательном порядке трудовых книжек, призванных фиксировать место работы, переходы с одной работы на другую, причины таких переходов, ступени продвижения по службе и т. п.;
- установление судебной ответственности за прогулы по неуважительной причине;

- предоставление пособий по временной нетрудоспособности в зависимости от наличия у работника трудового стажа с постепенным ужесточением условий их получения;
- прямая дискриминация рабочих и служащих, не являвшихся членами профсоюза, льготы для стахановцев и членов «ударных бригад», распространение аналогичных принципов на назначение пенсий и пособий по инвалидности, старости, материнству, по случаю потери кормильца и др.;
- исключение из системы государственного социального страхования и пенсионного обеспечения колхозников.

Вместе с тем необходимо отметить, что с принятием Конституции СССР 1936 г., в которой социальные права и гарантии советских граждан, в том числе право на социальное обеспечение, бесплатное медицинское обслуживание и труд, нашли свое формальное конституционное закрепление, из системы социального обеспечения были устранены отдельные дискриминационные положения. При этом неуклонно росло число лиц, охваченных системой социального обеспечения.

После XX съезда КПСС в 1956 г. начинается качественно новый этап в развитии социальной политики советского государства, характеризовавшийся в том числе и ломкой целого ряда устоявшихся стереотипов. Наиболее важным событием стало распространение государственного социального страхования и пенсий на колхозников. Отказ от диктатуры пролетариата, идея построения в ближайшем будущем бесклассового, коммунистического общества требовала уравнивания в социальных правах всех граждан страны.

Программа КПСС, принятая XXII съездом, предусматривала дальнейшее усиление социальной роли государства. Так, наряду с повышением индивидуальной оплаты по количеству и качеству труда в сочетании со снижением розничных цен и отменой налогов с населения планировалось расширение общественных (на самом деле — государственных) фондов потребления, предназначенных для удовлетворения потребностей членов общества, независимо от количества и качества их труда.

В последующие годы вплоть до развала СССР шел процесс корректировки и совершенствования системы, в основе своей сложившейся к середине 1960-х годов.

Таким образом, мы видим, что в целом процесс развития социальных функций советского государства носил длительный и трудный характер, ему был присущ ряд внутренних противоречий и конфликтов. Руководство страны прилагало серьезные усилия по улучшению условий и стандартов жизни всего советского народа, однако главной своей цели, а именно создания бесклассового общества, которому были бы чужды социальное неравенство и любые формы дискриминации и несправедливости, советское государство достичь не сумело. Социальная политика СССР ориентировалась на поддержание стабильного, достаточно однородного, но невысокого уровня жизни населения. Чрезмерная «опека» со стороны государства препятствовала функционированию механизмов саморазвития и конкуренции, стимулируя при этом беспрецедентный рост бюрократии. В результате кризис в социальной сфере стал составной частью общего кризиса советской модели государственного устройства. В целом, на наш взгляд, именно растущее в массовом сознании ощущение нарушения государством и его правящей элитой принципов социальной справедливости, как это было и в канун Революции 1917 г.,

стало одним из главных факторов, приведших к распаду Советского Союза и радикальной смене политического режима.

В то же время, несмотря на все проблемы и противоречия, которые были присущи социальной политике советского государства, сам факт его существования, декларируемых принципов и реальных достижений в решающей степени, на наш взгляд, повлиял на формирование западноевропейского социального государства в том виде, в котором оно сформировалось к 1960–1970-м годам, периоду, считающемуся его «золотым веком». Уже сама революция 1917 г. заставила правящие круги промышленно развитых стран активизировать свои усилия по смягчению противоречий между трудом и капиталом. Если до этого идея социальных гарантий трудящимся являлась одним из основных лозунгов европейской социал-демократии, рассматривавшей социальное государство в качестве своего рода промежуточного этапа на пути становления социалистического общества, то после революции и другие политические силы пришли к осознанию необходимости проведения масштабных социальных реформ, которые наиболее дальновидные политики рассматривали в качестве альтернативы революции и социализму. Показательно в этом плане мнение премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана: «Если бы капитализм развивался исключительно согласно теории свободного предпринимательства, у нас уже давно была бы гражданская война» [4, p.27]. Еще более выразительно по этому поводу высказался лорд-канцлер Квинтон Хогг: «Если вы не обеспечите людям социальной реформы, они вам обеспечат социальную революцию» [5, p.45].

Необходимо стало учитывать и широкое использование примера Советского Союза в коммунистической пропаганде. Несмотря на реальные проблемы функционирования советского социального государства, его авторитарный характер, сам факт его существования в условиях глобального противостояния двух идеологических и политических систем заставлял политические элиты постоянно держать в поле своего внимания вопрос об объеме и качестве социальных услуг, повышении общего уровня материального благосостояния граждан. Поэтому вряд ли можно считать случайным, что окончание холодной войны и распад Советского Союза по времени практически совпали с полномасштабным кризисом западного социального государства. Распад мирового коммунистического движения, самоликвидация большинства европейских коммунистических партий, ослабление профсоюзов, резкое «поправление» ряда социал-демократических партий, доминирование на протяжении долгого времени идей неолиберализма, а главное — необходимость повышения конкурентоспособности европейских стран в условиях глобализации привели к системным изменениям как в теории, так и в практике социального государства. Не случайно Э. Гидденс [6] объясняет закат кейнсианства на Западе и коллапс советского коммунизма одними и теми же причинами — интенсификацией процесса глобализации, формированием мирового информационного порядка, сокращением промышленного производства и его перемещением в менее развитые страны и все это — в сочетании с подъемом новых форм индивидуализма и власти потребления, идей и ценностей, вступающих в прямое противоречие с теми, которыми вдохновлялась Великая российская революция.

Однако кризис европейского социального государства, которое сегодня многим представляется «примером общества, основанного на социальной справед-

ливости и равенстве», в котором экономическое и социальное развитие выделяет равенство в качестве приоритета и где сохранение рабочих мест и социальная защита используются в качестве инструмента для борьбы с бедностью и социальной эксклюзией [7, р. 5], неминуемо ведет к резкому обострению социальных противоречий и конфликтов в еще недавно считавшихся наиболее стабильными и прогрессивными общественных системах. В этих условиях вновь крайне актуально звучат требования социальной справедливости и равенства, которые ставятся в политическую повестку дня различными силами, выступающими за альтернативную глобализацию, стремящимися предложить иное, более демократичное видение путей развития мира в эпоху глобализации. На этом фоне происходит и возрождение мифа о Советском Союзе как царстве свободы и труда, стране, где не было ни бедных, ни богатых, о Великой русской революции 1917 г., дававшей миру шанс на альтернативное будущее.

Литература

1. Верт Н. История Советского государства. М.: Прогресс, 1995. 543 с.
2. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М.: Политиздат, 1940. 478 с.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1988. 482 с.
4. Spicker P. Arguments for Welfare: The Welfare State and Social Policy. London: Rowman & Littlefield International, 2017. 124 p.
5. Hampton J., Timmins N. Disability and the Welfare State in Britain: Changes in Perception and Policy. London: Policy Press, 2016. 272 p.
6. Giddens A. European Social Model. The World Does not Owe Us a Living! 2006. URL: <http://www.policy-network.net/uploadedFiles/Publications/Publications/Giddens%201.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).
7. Batić J. Crisis of the Welfare State in the European Union: The Impact of the World financial Crisis on the Welfare State // Graduate School of International Economy, Megatrend University, Beograd. 2011. Vol. 8 (2). P. 141–168.

Статья поступила в редакцию 31 октября 2017 г.
Статья рекомендована в печать 5 декабря 2017 г.

Контактная информация:

Грибанова Галина Исаковна — д-р социол. наук, проф.; GGribanova@yandex.ru

Russian revolution and the modern welfare state

Gribanova Galina I.

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Gribanova G. I. Russian revolution and the modern welfare state. *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 1, pp. 33–41. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.104>

The welfare state is a deliberately designed political and legal social institution that allows a more equal distribution of material wealth, thereby contributing to the preservation of social stability in the society. Despite the fact that the very idea of a welfare state started to be implemented in Europe already in the second half of the 19th century, it was the 1917 revolution in

Russia that dramatically intensified this process, ultimately leading to the emergence of a welfare state in the form in which it existed in 1960s and 70s, a period considered to be its “golden age”. If before that the idea of social guarantees for workers was one of the main slogans of the European Social Democracy, which viewed the welfare state as an intermediate stage in the emergence of a socialist society, after the revolution other political forces came to realize the need for large-scale social reforms. It was necessary to take into account, in particular, the extensive use of the example of the Soviet Union in communist propaganda. Despite the problems of the functioning of the Soviet welfare state, the very fact of its existence in the context of the global confrontation between two ideological and political systems made political elites constantly keep in mind the question of the volume and quality of social services, raising the overall level of material well-being of the citizens. Therefore, it can hardly be considered incidental that the end of the Cold War and the collapse of the Soviet Union practically coincided with the full-scale crisis of the Western welfare state.

Keywords: Russian revolution, welfare state, social justice, Cold War, propaganda, crisis.

References

1. Werth N. *Istoriia Sovetskogo gosudarstva [History of the Soviet State]*. Moscow, Progress, 1995. 543 p. (In Russian)
2. *VKP(b) v rezoliutsiiakh i resheniiakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [ACP(b) in resolutions and decisions of congresses, conferences and CC plenary sessions]*, pt. 1. Moscow, Politizdat, 1940. 478 p. (In Russian)
3. Engels F. *Anti-Dühring*. Moscow: Politizdat, 1988. 482 p. (In Russian)
4. Spicker P. *Arguments for Welfare: The Welfare State and Social Policy*. London, Rowman & Littlefield International, 2017. 124 p.
5. Hampton J., Timmins N. *Disability and the Welfare State in Britain: Changes in Perception and Policy*. London, Policy Press, 2016. 272 p.
6. Giddens A. *European Social Model. The World Does not Owe Us a Living! 2006*. Available at: <http://www.policy-network.net/uploadedFiles/Publications/Publications/Giddens%201.pdf> (accessed: 03.10.2017).
7. Batić J. Crisis of the Welfare State in the European Union: The Impact of the World financial Crisis on the Welfare State. *Graduate School of International Economy, Megatrend University, Beograd*, 2011, vol. 8 (2), pp. 141–168.

Author's information:

Gribanova Galina I. — Doctor of Sociology, Professor; GGribanova@yandex.ru